

О РОЛИ ПРАВСТВЕННОГО ОБЛИКА ЛИЧНОСТИ В ЖИЗНИ ИСТОРИЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА

Я хотел бы сказать о роли нравственного облика личности в жизни исторического коллектива. Чтобы сразу стало ясно, против чего я буду говорить, начну со стихов Коржавина:

Мы сегодня поем тебе Славу,
И поем ее неспроста,
Основатель могучей державы,
Князь московский Иван Калита.
Был ты видом довольно противен,
Сердцем подл, но не в этом суть:
Исторически прогрессивен
Оказался твой творческий путь...

Дальше читать не буду — важна, прежде всего, вторая строфа. Эту модель можно применить к кому угодно — хотя бы к Чингиз-хану. Был он видом довольно противен, сердцем подл, но не в этом суть: он приобщил отсталые народы, в том числе русский, к благам передовой китайской культуры. Поэтому поставим памятник Чингиз-хану. И такой памятник сооружен — в КНР.

Попробуем посмотреть, как работает модель, спародированная Коржавиным, на двух академических примерах. Жили-были два императора, один в Индии, другой в Китае — Ашока и Цинь Ши Хуаньди. Оба имели перед собой прогрессивную задачу — объединение страны. Ашока с этой прогрессивной задачей не справился. Он поддался ложной жалости, неправильному гуманизму. Я хотел бы дать более точную характеристику этому гуманизму. Но не могу, потому что в те давние времена еще не было мелкой буржуазии. Иначе я бы, конечно, назвал этот гуманизм мелкобуржуазным. Итак, Ашока поддался неправильному гуманизму, не сумел отличить прогрессивных войн от реакционных. Едва завоевав одно царство, он вложил меч в ножны, отказался от всякой войны и, вместо того чтобы посылать за границы свои армии, стал рассылать буддийских монахов, которые несли трудящимся соседних стран реакционный дурман: «не отымай чужой жизни, не бери того, что тебе не принадлежит, не лги» и т.д.

Зато Цинь Ши Хуан (ди – титул вроде августа) был правильный гуманист. Если враг не сдавался, он его уничтожал; если сдавался - тоже уничтожал. Правда, слова «гуманизм» (по-китайски это звучит «жень») Цинь Ши Хуан не любил, и книги, в которых толковалось про «жень», велел сжечь, а заодно и все другие книги, кроме трудов по сельскому хозяйству, военному делу и гадательных книг. И книголюбив-интеллигентов, толковавших насчет «жень», собрали и перетопили в нужниках или подвергли другим позорным казням. Всех таких интеллигентов оказалось 400 человек. Прослойка еще не успела разрастись, и задача Цинь Ши Хуана оказалась сравнительно простой.

Очистив страну от неправильного гуманизма, Цинь Ши Хуан объединил Китай и основал единое китайское государство на твердых принципах: за доноительство – казнь, за донос - повышение по службе или другое поощрение. Были построены великие стройки древнего Китая, в том числе Великая китайская стена, которая стоит и поныне (ее достраивали и перестраивали, но основа заложена Цинь Ши Хуаном).

Это великолепное государство обладало только одним недостатком: жить в нем было нельзя. Даже Цинь Ши Хуан, создатель системы, не выдержал ее – заболел профессиональной болезнью прогрессивных деятелей такого типа – манией преследования. Народ тоже не выдержал. Едва Цинь Ши Хуанди (сын Цинь Ши Хуана) был свергнут с престола, как после короткого периода смуты воцарилась династия Хань, реабилитировавшую интеллигенцию и интеллигентность. С тех пор китайцы называют себя ханьцами, а китайские императоры стеснялись в течение 2100 лет надевать военный мундир. Только недавно снова вернулась мода на полувоенные куртки. Цинь Ши Хуан

вовсе не был безграмотным самодуром. Он действовал на основе строго разработанной научной теории. Истоки этой теории восходят, по-видимому, к Мо Ди, выдвинувшему принцип «все для народа» (на этом основании модисты отвергали искусство и науку как непонятные народу). Шан Ян придал теории более строгий характер, заменив расплывчатый термин «народ» более точным — государство. Во имя государства предполагалось разрушить все другие архаические институты, например, семью, чтобы семейные связи не препятствовали верности государю. Хань Фэй написал блестящий трактат, в котором человек в руках правительства приравнивался к куску дерева в руках ремесленника. Этот трактат сохранился, переведен на английский и французский языки в серии «Классики Востока» ЮНЕСКО, отрывки можно прочесть в любой хрестоматии. Хань Фэй не сравнивал человека с машиной только потому, что тогда еще не было машин. По существу, его можно считать предшественником кибернетики.

Итак, оба императора были утопистами. Ашока — потому, что видел в человеке только духовное существо, а Цинь Ши Хуан потому, что видел в человеке машину, которую можно программировать с помощью наград и казней. Первую утопию в рамках предложенной схемы надо, по-видимому, назвать реакционной, а вторую — прогрессивной, потому что Ашока опирался на религию (как известно, всегда и везде реакционную силу), а Цинь Ши Хуан — на передовую научную теорию.

Но вот оба они умерли, истлели, и осталось от Цинь Ши Хуана Великая китайская стена, а от Ашоки — надписи, выбитые на скалах: «Я, царь Ашока, завоевал царство Калингу, и убедился, что для этого надо было убить 100000 человек, и сердце мое содрогнулось»

Я не утверждаю, что не надо строить стен. Но я утверждаю, и совершенно серьезно, что память о сокрушенном сердце Ашоки — такая вещь, без которой ни один народ не может прожить.

Теоретическая модель, опародированная Коржавиным, основана на двух предпосылках: 1) нравственный облик человека не имеет большого значения, важны только дела; 2) прогресс всё спишет.

Оба эти предположения можно опровергнуть. Существует не только преемственность дел, но и преемственность нравственной информации, без которой не обходится ни одна традиция. Есть преемственность заколотых, обезглавленных, расстрелянных, ничего не совершивших и оставивших потомкам только свой облик. Заколотые Гракхи воскресли через 2 тысячи лет во Франции, и их облик, овладев умами, стал силой, когда началась революция. Ни жирондисты, ни якобинцы не установили на земле справедливости. Но обезглавленные тени воскресли в коммунарах 71 года, и тени коммунаров снова поднялись на штурм Зимнего Дворца. Признав эту преемственность, советское правительство назвало линейный корабль Балтийского флота «Марат»

Есть такое изречение: «Девушка может петь о потерянной любви, скряга может петь о потерянных деньгах» Я позволю себе сказать, что ни один народ не может сохраниться, если ему не о чем петь. Народы, которым было о чем петь, переносили века угнетения и рассеяния, снова подымались и собирались. А великая Ассирийская держава не смогла подняться после первого поражения и рассыпалась в прах, потому что у ассирийцев не было за душой ничего, кроме культов воинских доблестей, грубой силы солдата. Обо всех этих солдатских державах сказано в летописи: «Погибоша аки обре, их же несть ни племени ни наследка»

Перехожу ко второму пункту. Что такое прогресс? Если отбросить оценки, то реальное содержание прогресса — дифференциация. Была амеба, дифференцировалась, возник многоклеточный организм, но вместе с дифференциацией пришла смерть. Амеба, в известном смысле, бессмертна: она делится на две половинки, и обе половинки продолжают жить (если их не убить), а соматические клетки, «отдалившиеся от половых, сохранивших бессмертие за счет всего остального, смертны с момента рождения, не могут не умереть. Таким образом, прогресс связан с некоторыми утратами.

То же самое в обществе. Примитивные коллективы удивительно устойчивы, а цивилизация разваливалась одна за другой. Поэтому не всякая дифференциация хороша, а только такая, которая не ведет к распаду, к «совместной гибели борющихся классов» Хороша только дифференциация, в ходе которой перестраиваются и обновляются интеграторы (объединяющие воспоминания, идеи, образы, учреждения). Всякая дифференциация, всякий прогресс расшатывает старые интеграторы. Если их не обновлять, происходит то, что в древности называли «падением нравов», и это развитие заслуживает названия прогрессивного не больше, чем прогрессивный паралич.

Монтень сказал: «простые крестьяне — прекрасные люди, и прекрасные люди — философы, но все злое — от полуобразованности» Он имел в виду, конечно, нравственную полуобразованность. Крестьянин связан системой табу, мало отличающейся от племенной. Эта система табу — нравственный опыт коллектива — сохраняет отдельного человека, не способного рассуждать, как нравственное существо. Философ — интеллектуально и нравственно развитый человек. В древности говорили: «Мудрому не нужен закон, у него есть разум», или в средневековых терминах:

«Полюби Бога и делай, что хочешь», а полуобразованность — это то, что в Библии названо словом «хам» «Хам» — человек, несколько хвативший просвещения, настолько, чтобы не бояться нарушить табу, но не настолько, чтобы своим умом и опытом дойти до нравственных истин. В двадцатом веке хамство стало очень острой проблемой, и этим оно обязано прогрессу. Массы крестьян были вырваны из патриархальных условий, в которых держались патриархальные табу, урбанизированы. Там, где развитие происходило особенно быстро, в странах центральной Европы, поздно вступивших на путь прогресса и торопившихся догнать и перегнать, рост хамства был особенно грозным. Он поставил под вопрос само существование европейской цивилизации.

В какой мере это было неизбежно? Чтобы подойти к ответу, сравним две соседние страны — Германию и Данию. В обеих формально сохранилась одна и та же знаковая система, в которой высшие моральные ценности были связаны со знаками «Христос», «бессмертие души» и т. п. и т. п. В обеих странах происходило развитие капитализма, но Дания не имела дополнительной нагрузки в виде задачи объединения страны и т. п. Внимание датской интеллигенции было направлено только на то, чтобы просветить народ, а не «воспитывать солдат, способных сражаться с наследственным врагом» Еще во времена Андерсена пастор Грундвик учредил первые зимние университеты культуры, в которых крестьян знакомили со всеми богатствами, созданными человеческим умом, и датский крестьянин, перестав быть патриархальным, становился интеллигентным, а в Германии возникло явление, которое описывалось в тридцатые годы, как взбесившийся мелкий буржуа.

Когда эти взбесившиеся мелкие буржуа оккупировали Данию, фашистская комендатура издала обыкновенный фашистский приказ: «Всем евреям зарегистрироваться и надеть желтые звезды» Обыкновенный приказ. Но дальше началась сказка. Король и королева Дании вышли на прогулку, нацепив желтые звезды. Через полчаса их нацепил весь Копенгаген, через несколько часов вся страна. И пока гитлеровцы соображали, что в этой обстановке делать, всех законных носителей желтых звезд на лодках переправили в Швецию.

Я думаю, что эта сказка со счастливым концом не случайно произошла на родине величайшего сказочника Ганса Христиана Андерсена. Быть может, именно он подсказал королю и королеве поступить так, как ведут себя короли только в сказках, а народу поступить так, как ведет себя народ в пьесах и сказках Евгения Шварца, но, к сожалению, далеко не всегда в жизни. В Германии, по-видимому, детей воспитывали немного иначе, чем в Дании. Это — та бабочка Бредбери, на которую второпях наступили.

Я надеюсь, что убедил вас, и вы вместе со мной пришли к выводу, что не всякий прогресс хорош и не всякий прогресс «прогрессивен» И теперь, опираясь на сказанное, постараемся подойти к

оценке исторической фигуры, личности, которую все сегодня описывали фигурой умолчания и которую я хочу назвать по имени и фамилии: Иосиф Виссарионович Сталин.

Я хочу поставить два вопроса. Во-первых, был ли Сталин прогрессивным деятелем, во-вторых, куда нас влечет его тень, его облик.

Чтобы ответить на первый вопрос, надо ясно различать мандат, который деятель не может не выполнить, его личный вклад. Сталин получил власть на известных условиях, и пока он не превратил свою власть в абсолютную, не мог ими пренебрегать. Он не мог не проводить индустриализацию, кооперацию сельского хозяйства, не мог не заботиться об обороне страны; любой другой деятель, избранный генеральным секретарем, решал бы те же задачи. Поэтому важно не то, что Сталин делал, а как он это делал. Позволю себе сказать — довольно плохо. В актив Сталину можно поставить только индустриализацию, всё остальное — в пассив. Коллективизация проведена так, что до сих пор приходится ездить из Москвы убирать картошку. Международное рабочее движение Сталин, по мнению крупного международника Эрнста Генри, раскалывал и открывал этим Гитлеру дорогу к власти. Я думаю, мнение Э. Генри стоило бы обсудить. Наконец о том, как Сталин подготовил страну к войне, вы можете прочесть в недавно вышедшей книжке Некрича. Сталин буквально обезглавил армию накануне боев, но дело не только в этом. Кроме писаного мандата — программы партии — Сталин прислушивался к неписаным мандатам, носившимся в воздухе. И по мере того как он укреплял свою власть, эти неписанные мандаты играли все большую и большую роль в его деятельности. Прежде всего это мандат того, что Ленин называл «азиатчиной» Вы помните, наверное, статью «Памяти графа Гейдена»: «Раб не виноват, что находится в рабстве, но раб, который жить не может без хозяина — это холуй и хам» (*Поправка с места: «Холуй и холон»*) Можно, впрочем, привести другое изречение, любимое Лениным: «Жалкая нация рабов...» Века татарщины и крепостного права оставили довольно внушительную традицию холуйства и хамства; революция потрясла ее, но с другой стороны, революция выдернула с насиженных мест массы крестьян, превратила целые пласты патриархального народа в массы, потерявшие старые устои и не очень усвоившие новую идеологию. Эти массы вовсе не хотели углубления и упрочнения свободы, да и не понимали, к чему она, свобода личности. Они хотели хозяина и порядка. Таков сталинский мандат № 2.

Третий мандат — это мандат обезглавленной религии. Мужик верил в Бога, и в образах Спаса или Казанской Божьей Матери находил предмет любви и бескорыстного преклонения (корыстные мотивы религиозного чувства я склонен отнести: к мандату № 2). Мужика объяснили, что Бога нет, но это не упразднило религиозного чувства. И Сталин дал трудящимся бога, земного бога, о котором невозможно сказать, что его нет. Он был, был в Кремле, изредка показывался на трибуне и помахивал рукой. Он заботился о том, чтобы волос не упал с трудящейся головы. Он был лучшим другом железнодорожников, физкультурников и балерин.

Чувство, давшее Сталину мандат № 3, само по себе было чистым. Лучше всего его высказали дети:

Я маленькая девочка,
Танцую и пою,
Я Сталина не видела,
Но я его люблю.

Слово «Сталин» здесь легко заменить символом всеблагого, всемогущего, всеведущего существа, источника всех совершенств или, как тогда говорили: «вдохновителя наших побед» Изменится только размер. Каким образом Сталин мог осуществлять три таких мандата одновременно? Не слишком ли сложна наша схема? Но у Сталина был особый талант к лицемерию и, по-видимому, даже к самообману. А история полна примерами исторических личностей, двойственных и двусмысленных.

И. В. Сталин любил себя сравнивать с коронованными особами — с Петром Великим и с Иваном Грозным. Поэтому сравним его в его же вкусе — с Наполеоном. Вот что писал о Наполеоне Тютчев.

Сын революции! Ты с матерью ужасной
Отважно в бой вступил и изнемог в борьбе:

....

Бой невозможный, труд напрасный:

Ты всю ее носил в самом себе!..

(Пожалуй, лучше всего было бы вспомнить лаконичную и блестящую характеристику Пушкина: «Мятежной вольности наследник и убийца»). Но это сравнение, конечно, не является ни исчерпывающим, ни точным. Я позволю себе привести еще одно сравнение, также не исчерпывающее и неточное. Снижающее сравнение — с некоронованным деятелем — с Азефом. Азеф был руководителем боевой организации эсеровской партии и агентом тайной полиции. В качестве эсера он организовал казнь своего прямого начальника по полицейской работе — министра внутренних дел фон Плеве. Под руководством Азефа успешно были проведены другие террористические акты.

Примитивный пример дает известный подход, модель подхода к бесконечно более сложному вопросу — об оценке личности Сталина. Азеф совершил дела, которые могли бы рассматриваться как заслуги перед революцией или по крайней мере перед эсеровской партией. Но у провокатора нет заслуг, поэтому вопрос применительно к Сталину можно сформулировать так: был ли Сталин не только идейно (то есть на словах), но и нравственно, всем своим существом, на уровне движения, к которому примкнул. Тогда и в этот период у него могли быть известные заслуги. Или верно то, что написал Ленин в своем завещании: «И. Сталин — нравственно чужеродное тело в руководстве партии» Тогда он просто занял и удерживал с помощью интриг и террора место, принадлежащее более достойному. Тогда в целом он приносил вред, хотя в отдельных частных случаях мог принимать верное решение.

Чтобы ответить на этот вопрос, можно собрать, записать и исследовать свидетельства современников о Сталине — о ссылке в 1917 году и т. д. Кое-что в этом направлении сделано, но слишком мало, и вопрос остается открытым.

Перехожу к следующему. Куда нас влечет тень Сталина. Некоторые товарищи находятся под впечатлением молодости, когда они вставали под кинжальным огнем пулеметов и со словами: «За Родину, за Сталина!» — поднимали солдат. Им кажется, что лозунг «за Сталина» и сейчас значит то же, что он значил тогда, скажем, в 1943 году. В 1943 году я сам кричал: «За Родину, за Сталина — вперед!» В 1943 году «за Сталина» означало «против Гитлера» История не дала нам лучшего выбора. Она поставила целое поколение в положение Панглоса, которому офицер велел выбирать: повешение или пройти сквозь строй. Сколько Панглос ни возражал, что ни тот, ни другой вариант не отвечает его выбору, офицер оставался непреклонным. В жизни это было совсем не смешно. В 1937 году, рассказывает в своих мемуарах Эренбург, Николай Иванович Бухарин самовольно выехал в Париж, побродил несколько дней по улицам, подышал воздухом свободы, — ничего никому не сказав; вернулся в Москву; примерно понимая, что его ждет, он не мог остаться. Логика борьбы заставила бы его тогда обличать Сталина, а Сталин уже успел мертвой хваткой вцепиться во власть, и бить по Сталину значило бить по советской системе, а советская система была одним из самых мощных препятствий на пути фашизма. Не потому, что Сталин не любил Гитлера, он, может быть, любил его, но по логике системы, более сильной, чем воля Сталина. И нельзя было производить хирургические операции, бить по советской системе, хотя бы для того, чтобы вылечить ее перед лицом Гитлера. И Бухарин вынужден был молчать, а потом и говорить.

Так было четверть века тому назад, но сейчас «за Сталина!» вовсе не значит против Гитлера, против фашизма. Гитлер — капут, а Сталин умер и разоблачен. Хорошо ли это или плохо — разоблаченный кумир нельзя снова облачить. Можно издать какое-нибудь постановление, но оно будет не более действительным, чем резолюция Николая I по жалобе помещика, дочь которого самовольно вышла замуж: «Брак расторгнуть, урожденную такую-то считать девицей» Сталин, оказавшийся деспотом и убийцей, не может стать снова достойным уважения, не говоря уже о любви. Восстановить уважение к Сталину, зная, что он делал, значит установить нечто новое, установить уважение к доносам, пыткам, казням. Это даже Сталин не пытался делать, он предпочитал лицемерить.

Восстановить уважение к Сталину — значит установить около нашего знамени нравственное чудовище. Этого еще никогда не было. Делались мерзости, но знамя оставалось чистым. На нем было написано: «Ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» Около знамени стояли Маркс, Энгельс, Ленин — люди, у которых были человеческие слабости, но люди. О всех них можно сказать словами любимой поговорки Маркса: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо» Сталина нельзя больше ставить рядом с ними. Это значит — испачкать грязью свое знамя. Надо уметь отделить знак антифашистской войны Сталина от ее значения. Подвиг народа в Отечественную войну 1812 года не стал менее значительным от того, что во главе государства стоял «плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой», и подвиг народов в великой антифашистской войне не станет менее значительным от того, что во главе государства оказался Сталин.

Некоторых пугает угроза нигилизма, идеологический вакуум. Но доморощенные культуры неспособны заполнить вакуум. Они распадаются, как картонный домик. Одна из важнейших причин вакуума — столкновение религиозного и научного мировоззрений. Тысячелетний нравственный багаж человечества был закодирован в форме, которая называется мировыми религиями. Научное мировоззрение расшатало мировые религии, но оно не могло сходу создать образы нравственной красоты, сравнимые с Буддой или Христом. Это вообще, по-видимому, задача не науки, а поэзии, и процесс, не поддающийся управлению, процесс очень длительный, вековой и даже, может быть, многовековой. Поэтому от красногвардейской атаки на религию мировое коммунистическое движение уже фактически перешло под влиянием событий к другой форме контактов с религией, к *диалогу*, о котором много пишут в «Проблемах мира и социализма» Мне кажется, что диалог с мировыми культурами, в активе которых искусство Баха, Рублева, Данте, — более достойный путь, чем восстановление - культа деспота и убийцы. По пути диалога мы можем соединить силы всей интеллигенции и принести народу подлинное просвещение, подлинный смысл (значение) культуры, который не нужно смешивать ни с какими знаками, атеистическими или религиозными. Эта подлинная культура, подлинная интеллигентность — один из самых важных путей к выходу из современного «вакуума»